

ЧЁРНАЯ ЗВЕЗДА

газета межпрофессионального союза трудящихся (МПСТ)

№ 21, декабрь 2010 года

mpst.anho.org

Огненный шторм пронесся летом по России. Горело все. Где-то прибывало МЧС, а где-то обращавшихся за помощью просто «посылали». Автор этих строк сам был свидетелем лесного пожара, по счастью не очень сильного - низового, в лесостепной зоне и уже в сентябре. Жители прилегающей к лесу части села позвонили в райцентр и получили ответ, который в переводе на русский литературный (на каком языке говорят чиновники с народом, объяснять, наверное, не нужно) звучал: «Возитесь, как хотите!» Пожар тушили сами и смогли остановить огонь хотя бы в направлении села (как в анекдоте «с помощью топоров, лопат и какой-то материи»). Хуже было там, где огонь был сильнее или действовал принцип: «Спасайся, кто может!». В некоторых подмосковных поселках спаслись лишь те, у кого были машины. «Безлошадные» прятались в подвалы и гибли. В некоторых областях выгорели даже городские районы (например, в Воронеже). В Воронежской области в детском лагере транспорта едва хватило на спасение детей, а персонал уносил ноги, как мог. По официальным данным, от пожаров погибло 30 человек. Это без учета тех, кто помер, наглотавшись дыма. В Москве от смога смертность по сравнению с «обычным» летом повысилась вдвое. Выжившим погорельцам построили новые дома. Но никто им не строил и не собирался строить хозпостройки (хлева, гаражи, бани, склады), никто не окупил сгоревшие инвентарь, семена, не говоря уже о мебели.

Власти кивают на капризы природы, как когда-то - на волю божью. Но умные люди в ответ всегда говорили: «На Аплаха надейся, а верблюда привяжи!» О том, что осушение болот приведет к пожарам, ученые предупреждали полвека назад. О том, что надо снова пустить воду в бывшие болота, говорили еще четверть века. Но делать это начали только сейчас. Хотя горело регулярно, и в Москве, начиная с 2000-го, смог был чуть не каждое лето. В начале 70-х пожар был не слабей нынешнего, но

ОГОНЬ, НЕУРОЖАЙ И... МЫ

его быстро потушили. А почему возились сейчас? Да потому, что очередной реформой, лесники были разогнаны (вернее, их содержание было передано на уровень регионов, а там уже на них сэкономили), потому что пожарные машины давно стояли без ремонта и бензина (нет денег), потому что пожарные пруды засыпались... под стройплощадки для коттеджей.

Если в пожарах, как мы видим, виновата не только природа, то к засухе ни власти, ни система, вроде бы не имеют никакого отношения. Картошка при температуре выше 26° С не растет, хоть ты ее утопи в воде. Так что в неурожайе вины властей нет. Также как нет и их заслуги в больших урожаях прошлых лет. Но кто виноват в том, что излишки прошлых урожаев, которые можно было запасти на черный день, частью остались на полях и дорогах, а частью просто сгнили на складах? Когда в позапрошлом веке российский мужик вел свое хозяйство сам, он понимал - не запасешь в сытый год - помрешь в голодный. Сейчас один человек собирает урожай, другой его

отвозит, третий хранит, и никто не работает на себя, все - на близкий рынок, от которого зависит, выгодно будет работа или нет. И если хранить запасы в урожайный год невыгодно, никто их хранить не будет. То, что завтра может придти год неурожайный, уже неважно: «Где завтра, а где я?» - говорил в таких случаях кто-то из новых русских. Подобный сбой может возникнуть не только в хранении, но и в любом другом звене цепочки - результат будет тот же. А чаще всего сбой возникает в руководстве - тем, кто руководит нашей экономикой, на сельское хозяйство вообще плевать, они живут с трубы, и питаются в ресторанах. Добавим, что богатому хозяйству пережить неурожай легче, чем бедному. Наше сельское хозяйство расстроено высокими ценами на топливо и инфляцией. А потому многие хозяйства просто разорятся.

В итоге мы имеем то, что имеем. Цены на хлеб и картофель уже растут. Из-за нехватки пастбищ забивался скот, еще не успевший набрать вес. Зимой забой продолжится из-за нехватки кормов. Значит,

летом начнутся проблемы с молоком и мясом. Потом скажется нехватка семян. А если и новое лето будет неурожайным, то вообще непонятно, как нам выжить.

В чем же выход? На ближайшее время в том, чтобы заставить чиновников и буржуев делиться с народом. Это они руководят экономикой, это они разбазарили запасы прошлых лет, разогнали пожарную охрану, разорили село, засыпали пруды под стройплощадки. При этом они не пострадали. Цены подскочили на картошку, а не на ананасы с рябчиками. Да и коттеджи почему-то защищались от огня. А на будущее надо менять систему, строить экономику так, чтобы люди работали не на рынок, а на людские потребности. При современной технике узнать потребности населения куда легче, чем провести перепись. И если люди будут понимать, на что идут результаты их труда, и понимать, что от их работы зависит и их будущее (счас оно зависит от множества неконтролируемых случайностей), то и делать они будут то, что надо, а не то, что дает сиюминутную выгоду, приближая завтрашнюю катастрофу.

Кто ждет, что все это сделает хороший президент или диктатор, который посадит за решетку плохих чиновников, а в их кресла хороших, пусть обломается. Господа рабам ничем не обязаны. Пастух держит стадо ради шашлыка, а не ради благополучия баранов. Чтобы жить как люди, мы должны быть людьми, а не баранами. Надо взять в свои руки управление экономикой. И охрану ее от тех, кому это не понравится. Когда вашему покорному слуге и его товарищам по несчастью сказали: «Возитесь, как хотите», - никто из нас не хотел «возиться» никак. Но у нас не было иного выхода. У нас всех сейчас тоже нет иного выхода. И если мы смогли объединиться для борьбы с огнем, то почему мы все не можем объединиться для другой борьбы? Сегодня вопрос стоит о том, хорошо мы будем жить или плохо, завтра он встанет о том, будем ли жить вообще.

В.В.П.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

События в Междуреченске всколыхнули миллионы людей. Ни одна подзаконная стачка и ни одно легальное шествие за последние годы не имели и десятой доли этого эффекта. А ведь речь идет всего лишь о 200 рабочих, перекрывших железную дорогу и бросивших в ОМОН несколько камней. И все же, воздействие на общество оказалось сильнее, чем в Пикалево.

Чудовищный взрыв на шахте с символическим названием «Распадская», который по официальным данным унес 66, а по мнению шахтеров, не менее 150 жизней, привел к рабочему выступлению совершенно нового типа, с каким путинский режим до сих пор не сталкивался. 14 мая 2010 г. трехтысячный несанкционированный митинг в Междуреченске завершился перекрытием железнодорожной магистрали и столкновениями с ОМОНОм. Правда, в радикальных действиях участвовало несколько сот человек - шахтеров и их родственников.

Такого до сих пор не было. Мирные забастовки легалистских (т.е. действующих строго в рамках законов) профсоюзов, не имеют к этому отношения. Профсоюзы не связаны с организацией борьбы в Междуреченске.

Рабочие объясняют журналистке, почему акция несанкционированна, почему в нынешних условиях от профсоюзов нет никакого толку, и почему они (рабочие) сели на рельсы: «Мы своих профсоюзников не можем организовать... Почему? Потому

РАБОЧИЙ БУНТ

что когда на шахте что-нибудь начинается, инициативную группу - хоп, в тисочки: «Вы че там делаете? А ты - пьяный на работу пришел, а ты - опоздал, а у тебя - форма одежды... Вот почему несанкционированно получается. Потому что мы начинаем на шахте первые шаги делать, нас сразу по одному вытравливают, разбивают нас на ячейки и говорят: «заткнитесь, а то из шахты тебя уволят и ни на одно предприятие ты не устроишься».

Верный знак того, что если кто-то и в состоянии сегодня инициировать забастовки или иные акции протеста, то лишь небольшие группы, которые не станут заранее светиться, регистрировать никому не нужные профсоюзы или иными способами афишировать свои действия (подобным образом была организована борьба рабочих из запрещенной в 80-е гг. польской Солидарности).

Молодые рабочие говорят о цензуре, о том, что погибло много больше людей, чем сообщается. По их мнению власти скрывают информацию, чтобы не вызвать социальный взрыв в регионе. Рабочие, говоря о перекрытии, сообщают, что видели, как поступают люди в других столицах мира, у нас «народ терпеливый и молчат», но «молчать надоело». Они так же надеются, что поднимется Донбасс и другие шахты.

Рабочие потребовали изменить систему оплаты труда, увеличить зарплату (в реальности они за свой каторжный труд получают 20-30 тыс в месяц, в то время как начальники болтают о 80 тыс и под угрозой увольнения требуют, чтобы шахтеры говорили то же самое), и снять аварийное состояние шахт, которое и стало причиной катастрофы. Возмутило рабочих и то обстоятельство, что из-за событий не был объявлен национальный траур. На фоне горьких слез, пролитых российскими руководителями и траура, объявленного им в связи с гибелью 70 польских чиновников в самолете, факт знаменательный.

Без Ирана и Греции, без революции в Киргизии рабочие, может быть, и не поднялись бы! А надежда на Донбасс говорит сама за себя. Этот стихийный и наивный интернационализм на фоне современной угрюмой, затхло-националистической российской действительности, не может не радовать.

Возможно, существенную роль сыграло и присутствие родственников, когда люди, разгневанные действиями ОМОНа, пытались защитить своих близких.

Рабочие использовали мобильники и интернет, чтобы подробно осветить ход событий. Не смотря на замалчивание деталей случившегося официальными СМИ, рабочие сумели прорвать информационную блокаду. А затем оппозиционные блоггеры в считанные часы разнесли новости по всему инету, как пожар, подобно тому, как это делали блоггеры во время восстания в Иране в 2009 г. События в Междуреченске выявили новое соотношение сил между российским пролетариатом и правящими элитами в сфере распространения информации. Выяснилось, что не только офисный планктон, но и шахтеры из провинции, могут использовать такие техники эффективно, если есть серьезный кризис, важный ин-

формационный повод, способный зацепить блогосферу.

Что же получили рабочие? Судите сами. Им обещали поднять среднюю зарплату до 40 тысяч, но только после восстановления шахты. Неизвестно, когда это будет, однако сомнительно, что власть и собственники-начальники пойдут на такую меру в условиях, когда рабочие снова станут спокойными и тихими. К этому моменту разговор об обещаниях, данных в прошлом, с высокой вероятностью превратится в пустые слова, так как реальная политика определяется не обещаниями, а соотношением сил. Непонятно, как скажется случившееся на рабочих других предприятий региона. Скорее всего, принципиально ничего не изменится. Единственное, чего добились рабочие: во время простоя шахты им будут выплачивать некую среднюю зарплату.

И все же эти события - первая ласточка. Первая ласточка настоящего рабочего движения в России, которое живет не по законам, написанным угнетателями рабочих. Ведь совершенно очевидно, что если бы не перекрытие, никто не обратил бы на людей внимание. Рабочие Междуреченска стали передовым отрядом своего класса. Их пример может стать основой сопротивления для многих других. Ведь их самих вдохновили не только их собственное отчаяние, но и пример иранцев, греков, киргизского восстания. Глоток свежего воздуха для всех, кто устал от нищеты и диктатуры.

М.Ш.

О СОБЫТИЯХ В ХИМКАХ: НОВОЕ И СТАРОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЭТО ФАШИСТЫ И МЕНТЫ «РАЗБИРАЮТСЯ» СО СТАРЫМ ДВИЖЕНИЕМ

28 июля 2010 г. около 500 антифашистов и анархистов атаковали здание администрации подмосковного города Химки. В здании были выбиты стекла, оно было обстреляно из травматического оружия. «Мы напали на здание, так как там скопились силы зла в виде наемных бандитов, милиционеров и футбольных хулиганов. Конечно, мы не можем помешать вырубке Химкинского леса - это уже невозможно. Но это совсем не справедливо, мы не желаем мириться с этим», - сказал источник в интервью.

Нападение анархо-антифа на администрацию в Химках стало ответом на действия властей, ментов и фашистов, которые совместно усилиями разгоняют экологов, чтобы обеспечить вырубку Химкинского леса. Анархистам и антифа надоело смотреть на то, как их товарищей бьют и арестовывают, а крайнее раздражение вызвало по всей вероятности, то обстоятельство, что для охраны вырубки леса были использованы околоспортивные хулиганы-неонацисты.

События в Химках касаются всех жителей Москвы, а не только 20 участников лагеря протеста. Фактически, именно анархисты и антифа взяли на себя функцию обороны города, защиты его легких - огромного химкинского леса, от фашистов и крупных компаний. Это

уже не малопонятные большинству людей схватки фа и антифа, а реальное и всем понятное действие. Напротив, фашисты выступили, как наемные агенты крупного бизнеса, в том числе французской компании Vinci, которая связана со строительными работами в Химках.

Между противниками вырубки леса не было единства. Среди них можно выделить две силы. С одной стороны местная экологическая инициативная группа во главе с Евгенией Чириковой с несколькими десятками активистов. С другой - группировка (моб) анархо-антифа.

Чирикова представляет собой ставший уже классическим тип общественного активиста 1990х-2000х гг. По ее словам, самые радикальные действия, на которые она готова, это «написание чиновникам писем протеста». Такие активисты бегают в суды, пытаются договориться с начальниками. Они ориентированы на мирную, как правило, подзаконную деятельность, максимум - на пацифистское неповиновение властям и перекрытие своими телами дороги на пути продвижения строительной техники (либо, если речь идет о фабриках и заводах, на исключительно мирные, заранее объявленные забастовки), что не спасает их от побоев, арестов и уголовного преследования. В принципе, неправильно осуждать

людей за такую активность. Они делают то, что могут. Но все, что они могут - это привлечь общественное внимание к существующим проблемам. Решить же эти проблемы мирные гражданские активисты не в состоянии. Невозможно изменить систему пацифистскими средствами - ненасилие почти бессильно против силы. Активистов просто избивают и/или арестовывают, иногда убивают, а между тем вырубка лесов и нарушения прав работников продолжают безостановочно.

Анархо-антифашисты¹ представляют собой новый тип активиста, активиста-партизана, который наносит неожиданные удары там и тогда, где и когда их никто не ждет (в то время, как милиция оцепила лагерь экологов и сосредоточилась в лесу, был нанесен удар по городской администрации Химок, на который власти не сумели оперативно ответить). В отличие от мирного гражданского активиста или руководителя легального профсоюза, городской партизан не предупреждает заранее о своих действиях. В отличие от них, он не светит перед телекамерами свое лицо и имя, а если видит камеры, закрывает лицо маской, подобно греческим бунтарям или мексиканским сапатистам. Не имеет он и централизованной, авторитарной, управляемой узкой группой лиц организации наподобие профсоюза (централизованная авторитарная организация крайне уязвима для репрессий и манипуляций: стоит только властям или бизнесу внедрить в руководство своего человека, и она будет быстро разрушена). Современное городское партизанское движение - это сеть. Она состоит из группы близости (аффинити-групп) - не-

больших группировок, внутри которых люди хорошо знакомых друг с другом. Участники разных групп получают информацию о тех или иных событиях, кто-то кидает клич и по цепочке идет сигнал (благо в современном мире существуют эффективные средства коммуникации). Либо же предварительно проводятся совещания делегатов групп о формате подготавливаемой акции. На крупную совместную акцию может прийти 5 человек, может 500, в зависимости от актуальности и важности темы в глазах группировки, или последние станут действовать автономно, подобно жалящим врага в разных местах пчелам. Приведенная схема далеко не безупречна, но она менее уязвима для репрессий и манипуляций, анонимна, радикальна, основана на хорошем знании людей, совместно с которыми ты работаешь, что препятствует проникновению агентов спецслужб.

Городские партизаны не в силах сами победить систему. Но, нанося ей серьезные удары и привлекая других к подобной деятельности, они могут внедрить в общество вирус радикального сопротивления, новую традицию борьбы угнетенных. Одно дело, когда уверенный в своей полной безнаказанности чиновник или бизнесмен отдает приказ наемным бандитам (правым) или ментам, избивать беззащитных протестующих. Иное дело, когда он сам становится жертвой нападения, которое может последовать в любую минуту. Вероятно, начальство только тогда станет воспринимать всерьез рабочего, протестующего против увольнений или снижения реальной зарплаты, и жителя района, протестующего против вырубки леса, когда будет видеть в лице рабочего (жильца)

опасного и непредсказуемого отморозка. Таким образом, действия городских партизан могут способствовать весьма опасному (для системы) развитию ситуации - переходу борьбы угнетенных в новую фазу.

М.Ш.

¹ Странным представляется лозунг анархо-антифа: «защитим русский лес». Разумеется, любой человек имеет право считать себя хоть русским, хоть татарин, хоть осетин. Но в Москве и в России живут не только русские. Леса принадлежат всем, а не какому-то отдельному народу. Лозунги, способные разделить людей по национальному признаку, противоречат логике движения, которое утверждает, что борется против национализма и за радикальное всеобщее освобождение. (Прим. авт.)

А ЭТО - ОТВЕТ НОВОГО

КАПИТАЛИЗМ УБИВАЕТ МОЙ ГОРОД

Миллионы тон патристической пропаганды по телевизору и по радио. Заверения о великольном будущем, о развитии промышленности, медицины, образования, искусства, об увеличении благосостояния граждан, о доблестной работе милиции и т.п. и т.д. Каждый, кто хоть раз сталкивался с российской действительностью, прекрасно знает, что дела обстоят совершенно иным образом.

Чиновники всех мастей от медвежата до мусора кланутся в любви к родине, шаг за шагом вырубая парки, закрывая вузы и школы, урезая финансирование медицинским учреждениям, избивая и убивая людей в ОВД и других прекрасных местах. Не меньше любят свою родину и различные дельцы, нанимая за копейки менее удачливых сограждан или вынужденных перебраться в поисках работы иностранцев, наживаясь на их труде, урезая им зарплату, увольняя их, вырубая те же самые парки под строительство элитных домов и автотрасс. Их родина - это государство, которое их защищает от нас с вами, и их капиталы, на которые они могут купить все на свете. Наша же родина - это мы с вами: рабочие, учителя, офисные служащие, студенты, школьники, домохозяйки, пенсионеры и т.д. Не национальность и граждан-

ство, а наше социальное положение делает нас близкими друг к другу. Мы всегда сможем отличить наши родные спальные районы от элитных коттеджных поселков. Это наша родина и трехцветные тряпки и двухголовые курицы-мутанты к нашей родине не имеют никакого отношения. Так вот я хочу рассказать про свою малую родину - Воронеж, про город, в котором я живу с самого детства, город, где живут мои друзья и товарищи по борьбе, город, где живут такие же обычные люди без денег и власти, город, который мне дорог, про тот как мой город уничтожается буржуями и чиновниками, и про то, как люди борются против этого.

Неслучайно я выше упоминал про вырубку парков - для жителей Воронежа это одна из главных проблем. Как и в других регионах, дело обстоит следующим образом: лесопарки, парки и другие зеленые зоны города чиновники передают дельцам под строительство каких-либо объектов, при этом мнение жителей города совершенно не учитывается, даже тех, кто обитает поблизости: отдыхает там, занимается спортом, выгуливает домашних животных. Главная же беда заключается в том, что зеленые зоны - это легкие города и их вырубка серьезно ухудшает экологическую обстановку, в итоге людям в городе рано

или поздно просто нечем станет дышать. Город просто задохнется в пыли и выхлопных газах.

В советском районе нашего города есть Лесопарк Оптимистов. Жители, живущие поблизости, уже не один десяток лет с переменным успехом борются за его сохранение. Многолетняя борьба за Курскую Горку закончилась поражением, ее склон был оттяпан под автозаправку и теперь зимой ребятам может использовать под катание лишь малую ее часть. Тем не менее, футбольное поле и еще один участок в парке, отданный на растерзание строителям (рядом с Комарова 14), удалось отстоять. В дальнейших планах у буржуев занять территорию всей Курской Горки под гостиничный комплекс, а также перенести в лесопарк карусели из соседнего парка Танаис, который собираются полностью отдать под застройку. Кроме двух этих парков также в планах у строителей вырубка дендрария, принадлежащего воронежскому лесотехническому университету и постройка нового микрорайона на полях, принадлежащих аграрному университету, на которых тамошние студенты проходят практику. В общем, картина не из веселых.

К этому стоит добавить пассивность большинства горожан, даже тех, кто живет рядом с местами вырубок. Инициативные группы, занимающиеся этим проблемами, обычно насчитывают не более 10-20 человек, и отвергают даже относительно радикальные действия. Активисты очень часто не поддерживают даже шиповку деревьев, полагая, что это нанесет им вред, что абсолютно не так. Например, инициативщики из Лесопарка Оптимистов стали одобрительно относиться к шиповке только после начала стройки (рядом с Комарова 14). С того времени мы два раза

шиповали лес на Курской Горке (место предполагаемого будущего строительства), но еще огромная часть парка остается незашипованной и строителям не составит труда ее вырубить. Ко всему прочему ряд методов, которые используют инициативные группы: обращения к чиновникам, суды, помощь депутатов и т.п. - нигде не годятся. Чиновники отвечают отписками и проворачивают свое дельце, суды опять же находятся на стороне строителей, ну а депутаты «помогают» только для того чтобы попиариться, а как пахнет жареным - сразу ускользают. Даже если кто-то из них оказывает действительно бескорыстную поддержку местным жителям, то он потакает бездействию абсолютного большинства, учит людей надеяться не на себя, а на кого-то сверху, учит людей слабости, а не силе.

Понятно, что видя пассивность большинства местных жителей, активисты инстинктивно прибегают к знакомым им методам борьбы, но очевидно, что даже если сегодня им удастся одержать

победу, то завтра строители снова придут. И остановить их может только массовая бескомпромиссная борьба местных жителей. Так ребятам, живущим неподалеку от лесопарка оптимистов, удалось в нескольких местах сломать забор начавшейся стройки (рядом с Комарова 14). Пол словам местной молодежи: все те дни, пока стояла стройка, охранники не расслабились. Для выяснения обстановки мы специально проводили разведку. И разведка это подтвердила. В конечном счете именно такая накаленность обстановки заставила власть и дельцов свернуть строительство. К сожалению это лишь единичный случай. Как уже было сказано, обычно люди из инициативных групп отвергают радикальные методы и не факт, что рядом со всеми парками живет такая же смелая и активная молодежь, да и всех борцов за справедливость легко репрессировать, а есть ли им замена. К сожалению, нет. Если радикализм не станет массовым и организованным - сохранить воронежские парки не удастся. Если мы не дадим достойный отпор буржуям и властям, то капитализм убьет наш город.

Робин Гуд

БЕЛОРУССКОЕ ДЕЛО

Все началось с 30 августа 2010 г., когда в российское посольство в Минске была брошена бутылка с горючей смесью. Сгорела лишь чья-то машина, но шум был большой — посольство как-никак. Российские власти тут же обвинили во всем белорусские спецслужбы, белорусские власти — спецслужбы российские. Через пару дней, когда лидеры братских государств успели всласть высказаться по этому поводу, в Интернете появилось сообщение, подписанное неизвестной ранее группой «Друзья свободы». В нем говорилось, что акция совершена в знак протеста против арестов в Москве антифашистов по «Химкинскому делу».

Можно представить себе бешенство белорусского президента. Дело о поджоге (совершенном к тому же в дни предвыборной кампании) было взято им под личный контроль. Начались аресты. Хватали всех активистов подряд, прежде всего левых и прежде всего анархистов, ибо из текста заявления можно было сделать вывод о том, что «Друзья свободы» считают себя таковыми. В ответ 6 сентября было подожжено «Центр изоляции правонарушителей», где содержались арестованные, и появилось новое заявление, в котором говорилось, что никто из группы не арестован, а менты хватают ни в чем не повинных людей. 16 октября было подожжено Бобруйское отделение КГБ.

Аресты продолжались. Людей вызывали в качестве свидетелей и арестовывали, врываются к ним утром, выбивая двери. Хватали тех, кто был известен как активист социального движения, принесли передачи арестованному ранее, распространял информацию об арестах — всех, кто, по мнению ментов, мог иметь хоть какое-то отношение к делу. Было аресто-

вано даже двое каких-то правых. Всего через аресты, допросы и обыски прошло, по данным Черного креста, около пятидесяти человек. Большею частью арестованных, в конце концов, отпускали, но многим, продлевали сроки задержания.

Некоторые из активистов бежали в Россию. В конце ноября на связь с двумя бежавшими в Москву вышел их знакомый, судя по всему, пошедший на сотрудничество с ментами. 28 ноября должна была состояться встреча с ним, но примерно за километр до места встречи на людей набросилось шесть неизвестных в штатском. Один человек был схвачен и увезен в Беларусь, другому удалось вырваться и уйти от погони.

На тот момент, когда пишется эта статья, в белорусских застенках по «посольскому делу» сидят четыре человека. Николай Дедок (Микола Дзядок) и Александр Францкевич арестованы еще 3 сентября, Максим Веткин — 4 ноября (до этого дважды вызывался на допрос), Игорь Олиневич (Алиневич) похищен в Москве 28 ноября. Кроме вышеупомянутых поджогов, их обвиняют в аналогичных акциях против здания Федерации профсоюзов, отделения «Беларусьбанка», опорного пункта милиции, казино «Шангри Ла» и Министерства обороны, совершенных еще в мае 2010 г.

Мы не собираемся выяснять, причастны они к тому, что им приписывают, или нет. Мы не считаем преступлением порчу чиновничьего или буржуйского имущества. Менты и чиновники, обвиняющие этих людей, совершили в тысячу раз больше зла, чем любой поджигатель. Так же думают многие люди в самых разных странах. Акции протеста против репрессий белорусских властей проходят по всему миру от России, до Канады. Проводятся митинги, пикеты, а иной раз и загорается, то посольство, то полицейский участок. Как белорусская история стала продолжением химкинской, так и сама она получает продолжение. Борьба не закончена. Борьба продолжается.

Соб. инф.

К СИТУАЦИИ В ГРЕЦИИ

Уличные манифестации и уличные бои в Греции стали уже такой обыденностью, что их перестали замечать. Очередной всплеск уличной активности произошел 17 ноября — в 37-ю годовщину восстания в Афинском политехническом университете (приведшего к свержению диктатуры «черных полковников»). Демонстрации прошли в Афинах (от 60 до 100 тыс. чел.), Салониках (6000 чел.), Волосе (1300 чел.), Янине (от 2 до 3 тыс. чел.), Гераклионе (1500 чел.) и других городах. Не обошлось и без стычек с полицией (<http://avtopom.org/node/14274>). Многочисленная демонстрация прошла в Афинах 6 декабря. Тем не менее революционная ситуация в Греции до сих пор не закончилась революцией, а вместо этого перешла в вялотекущее состояние. Почему?

К сожалению, большая часть греческих анархистов хорошо представляет себе, против чего она борется, но весьма смутно представляет, за что. Более того, в большинстве своем уличные бойцы даже не собираются по этому поводу напрягать свои мозги, считая, что весь народ, если ему не мешать, лучше справится с этой задачей, одни только нежелезные активисты.

Возможно, народ и справился бы с такой задачей, если бы никто не предлагал ему свое решение. Так человек, оказавшийся в воде без какой-либо помощи, поплывет сам, если умеет, а может быть, даже научится плавать, если раньше не умел (так раньше и учили плавать в русских селах).

Однако, если рядом с ним окажется бревно, плот или тем более лодка, человек, конечно же, попытается ухватиться за эту лодку, а если удастся, то и влезть в нее. И мысль о том, что эта лодка, может быть, унесет его в к еще более опасному водовороту, в который сам бы он не заплыл, эта мысль не придет ему в голову, даже если она и верна. Точно также греческие рабочие в большинстве своем не станут самостоятельно изобретать способ выхода из капиталистического тупика, коль скоро рядом есть сталинистские организации, предлагающие свой вариант. Единственный способ вырваться наиболее активных рабочих из-под влияния сталинистов — это предложить им альтернативу. Греческие анархисты этого пока не делают.

Наверное, ситуация в Греции все же не совсем безнадежна. Часть анархистов постепенно начинает понимать необходимость позитивной программы. Но таких пока мало. И пока их не будет достаточно много (или пока не появится новый, неведомый доселе фактор, способствующий самоорганизации рабочих), последний шаг сделан не будет.

Ю. Глухих

Осенью 2010 во Франции чуть не произошла революция. Чуть-чуть... но все же не произошла.

Первые протесты против пенсионной реформы начались еще в сентябре. К началу ноября они приняли массовый характер. Начались забастовки. Был создан общий сайт забастовочного движения и начали создаваться кассы взаимопомощи, для финансовой поддержки бастующих. 12 октября (в воскресенье) прошли массовые демонстрации, в которых приняли участие студенты и учащиеся лицеев. В Париже и Канне произошли столкновения демонстрантов с полицией, были пострадовавшие. Полиция повсюду применяла слезоточивый газ, демонстранты — бутылки с горючей смесью. В стране было фактически парализовано железнодорожное сообщение, начались перебои на автозаправочных станциях.

22 октября была объявлена всеобщая стачка. Бастовали нефтепереработчики транспортники, мусорщики. По опросам стачку поддерживало 70% населения страны.

В течении недели Франция по сути дела вышла из-под контроля властей. Казалось, победа уже близка. Но именно эта близость победы и испугала вождей профсоюзов. Они стали в срочном порядке сворачивать забастовку. По словам участников движения,

ФРАНЦИЯ: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«первыми вышли из борьбы синдикат CFDT, их лидер Шерек заявил в конце октября, что мобилизация будет инструментализирована левыми, радикальными силами... что не желает радикализации протеста против пенсионной реформы и что он желает, чтобы его синдикат оставался в роли «социального партнера». Он предложил правительству и мадам Паризо (президенту МЕДЕФ - Ассоциации предпринимателей Франции, то есть клуб крупных капиталистов и акционеров) обсудить другие социальные вопросы, например, создание рабочих мест для молодежи и пожилых людей. Паризо согласилась. Шерек еще раз показал свою гнилую сущность и продажность своего синдиката. СЖТ (CGT) хотя бы делал вид до последнего, что поддерживает забастовки. Но даже СЖТ после голосования за реформу парламентом (кажется, окончательно голосование в парламенте было 28 октября) больше не призвала к забастовкам - они говорят о «другом типе акций»». За несколько дней профсоюзам удалось прекратить забастовку почти полностью, хотя отдельные предприятия продолжали бастовать.

Однако борьба еще продолжалась. Активность перешла к учащейся молодежи — студентам и лицеистам. В ответ на разглагольствование властей о том, что молодежь недостаточно взрослая и потому просто является игрушкой в руках разных смутьянов, протестующие отвечали, что они уже с 13 лет считаются достаточно взрослыми для того, чтобы их можно было посадить в тюрьму, так значит, они и достаточно взрослые для того, чтобы участвовать в демонстрациях. Демонстрации студентов и учащихся проходили в Нанте, Бресте, Лионе, Ле-Мане, Гренобле, По, Ниме, Шербуре, Шамбери. Участники движения блокировали учебные заведения, а иногда и перекрывали железные дороги. 3 ноября студенты даже заняли Сорбонну, он ночью были

вытеснены полицией, после чего университет был закрыт. 6 ноября (в субботу) по всей стране вновь прошли массовые демонстрации, сопровождавшиеся перекрытием железных дорог, захватом административных зданий и стычками с полицией.

Основной формой организации в это время стали ассамблеи (порусски говоря, сходки, всеобщие собрания) и межпрофессиональные союзы рабочих активистов. Последние даже начали организовывать собрания делегатов от различных союзов.

Всю первую декаду ноября судьба Франции оставалась нерешенной. Но уже к 12 ноября движение почти затихло. Без всеобщей забастовки социальные студенты учащиеся и отдельные рабочие активисты оказались недостаточно сильны, для победы. К тому же очередное предательство профсоюзов нанесло движению сильный моральный урон, прощя говоря, «обломало» многих его участников. Во второй половине ноября, участница движения, в ответ на то что творится во Франции писала: «...тут уже ничего не творится почти. То есть, конечно, ещё собрания кое-где проводятся, но конец мобилизации на лицо: по моим сведениям, уже

раз сталкивающиеся с таким поведением профкомычей, продолжают наступать на те же самые грабли. Почему они не попытаются найти замену профсоюзам? Тем более, что в ходе социальной борьбы во Франции уже появились новые органы организации низов — ассамблеи (сходки, общие собрания) и межпрофессиональные союзы. Если ассамблеи образуются по территориальному принципу (если это собрание жильцов) или производственному (если это собрание работников), то межпрофессиональные союзы — по идейному. Это объединения наемных работников, которые хотя не просто улучшить свое положение в рамках системы, но сломать систему. Именно к таким союзам относится большинство групп французских анархистов, в том числе знаменитая CNT (Национальная конфедерация труда), хотя ее члены и называют ее профсоюзом. В условиях спада революционных настроений численность таких союзов невелика. Та же CNT представляет собой небольшие группы в разных городах, объединенные формально в одну, а реально в две или три конфедерации общей численностью от нескольких сот до тысячи человек. Однако в период революционного

подъема межпрофессиональные союзы часто становятся источником низовой активности, инициаторами общих собраний, словом именно с них начинается революция. В частности, CNT и другие анархисты проявляли большую активность и в период всеобщей стачки, и до, и после нее, ими были инициированы в ряде мест рабочие и студенческие собрания (интересно, что в совместном действии с членами CNT приняли участие и рядовые члены CGT, при том, что формально CNT и CGT считаются враждующими организациями). К сожалению, таких идейных межпрофессиональных групп слишком мало для того, чтобы организовать народ на всеобщую стачку. Чтобы это стало возможным, нужно, чтобы подобные группы были если не на каждом, то на большей или уж во всяком случае на значительной части предприятий.

И все же, не будем отчаиваться. Волна схлынула, но волнение еще не утихло. Уже не первый год во Франции идет ожесточенная социальная борьба. И пока она не прекратилась, остается надежда, что народ сумеет-таки организовать себя независимо от профкомычей, политиков и прочих начальников.

По инф. фр. анархистов

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И САМООРГАНИЗАЦИЯ

Между студенческим бунтом в Лондоне 10 ноября и «больной стачкой» авиадиспетчеров в Испании 3-4 декабря, на первый взгляд, больше различий, чем сходства. В одном случае протестовали студенты, в другом — наемные работники. В одном — была уличная акция со штурмом штаб-квартиры правящей партии, в другом — мирная забастовка, авиадиспетчеры ни с кем не дрались, просто ушли, сославшись на плохое самочувствие, и примерно через сутки вернулись под угрозой уголовного преследования. Но все это — частности. И общего между этими событиями куда больше, чем может показаться.

Прежде всего, и то и другое было проявлением классовой борьбы. Студенты — будущие наемные работники, да и не только будущие, многим приходится работать, чтобы обеспечить себе существование. И протестовали они против урезания расходов на образование, что означает для них дополнительные траты, дополнительную работу (чтобы это компенсировать), то есть в конечном итоге усиление эксплуатации. Так что и в том, и в другом случае мы имеем дело с сопротивлением эксплуатируемых. Это, во-первых.

Во-вторых, обе акции при всей своей краткосрочности произвели изрядный эффект. В Англии вслед за штурмом штаб-квартиры тории прошли захваты административных зданий в Манчестере и Сассексе. В Испании, впервые со времен Франко было введено военное положение. Никого не удивляет готовность властей применить против народа любые средства, но то, что применять их пришлось, говорит о многом. Из пушек по воробьям не стреляют (заметим, что суточный сбой в работе нескольких аэропортов Испании, включая основной аэропорт Мадрида это весьма ощутимый экономический удар).

В-третьих, обе акции организовались стихийно, без участия профсоюзной верхушки и даже, к ее большому недовольству. Марш студентов в Лондоне был организован национальным профсоюзом студентов, однако, никто из лидеров оного не ожидал штурма здания, и генсек профсоюза Арон Портер поспешил от него отмежеваться. В Испании авиадиспетчеры организовали все сами, даже не советуясь с профсоюзом, и, конечно же, президент профсоюза авиадиспетчеров Камило Села «призвал авиадиспетчеров выйти на работу, а затем решать возникший трудовой конфликт в установленном порядке». Разумеется, выйти на работу людей заставили не его призывы, а угроза тюремного заключения (а также сознание того, что хозяева все равно уже понесли значительный урон).

Последнее стало возможным, в значительной мере благодаря развитию новых технологий (производительных сил, говоря научно). Вот что пишет в своем ЖЖ один из пользователей ресурса Shraibman: «Зачем нужны эти купленные боссами подмененные профкомычи, если есть твиттер, фейсбук, электронная почта? Достаточно нескольких десятков инициативных людей и всеобщий решительный настрой, чтобы остановить целую отрасль экономики». О том, что их действия стали возможными благодаря Интернету, писал и участник событий в Лондоне.

«Нет, это еще не анархистская революция, — пишет далее Shraibman. — До всеобщего выступления работников, студентов и безработных, организованных в собрания и выборные советы, до массовой борьбы за некапиталистическое и негосударственное общество всеобщего самоуправления еще очень далеко. Люди не меняются так быстро, как техника. И все же...» Да, это еще далеко не революция. Самоорганизация еще не достаточное условие для революции. Однако она — условие необходимое. И это условие начинает выполняться.

Ю.Глухих

ПОБИТЫЙ КОП

ОТ ХИМОК ДО... КВЕБЕКА

Боевые действия Химкинской войны перенесены на территорию Канады (<http://avtonom.org/node/14165>). Независимо от того, кем это было сделано, значение этого факта трудно переоценить.

Во-первых, Канада — не Беларусь и здесь властям вряд ли удастся нанести ощутимый ответный удар, а значит давление отсюда и безопасней для его участников, и действенней, ибо российские власти не смогут тешить себя мыслью о том, что враг по крайней мере обезврежен и в ближайшее время свою атаку повторить не сможет. Иными словами, наступление начато на том участке фронта, где у него гораздо больше шансов на успех, нежели в Минске.

А во-вторых, это означает что кампания против компании приобретает интернациональный характер. Это вполне логично. Если компания действует по всему миру, не стесняя себя госграницами, то почему должна себя стеснять границами кампания против нее? Лучшее средство против транснациональной компании — столь же транснациональная кампания против нее (кстати, чем не лозунг: «Дашь мировую кампанию против мировой компании!») (и букву А еще изобразить в виде символа анархии), интересно, догадываются ли до него участники кампании?). Если границы не смущают капиталистов, то почему они должны смущать тех, кто становится жертвой капиталистов? Тем более, что не жертвы эти границы рисовали. Все это было коню понятно в те-

ри, но теперь это воплотилось на практике в далеком Квебеке.

Как известно, коммунизм на отдельно взятой территории не построишь, коммунистическая революция может быть только мировой, хотя бы она даже и началась в одном отдельно взятом поселке. Она как пожар, который может разгореться от одной искры, но рано или поздно должен охватить все пространство, иначе огонь погаснет. И событие в Квебеке говорит о том, что такой мировой пожар возможен. Если Беларусь — это ближнее зарубежье, то Квебек — зарубежье куда уж как дальше. Можно сколько угодно рассуждать об интернационализме, о международной классовой солидарности и прочих высоких материях, но слова остаются словами пока их не проявили на деле. Акция в Квебеке, показала, что слова эти не пустые. Мировая буржуазия получает мировое сопротивление. Пусть это пока лишь один эпизод, однако это эпизод для революционеров многообещающий. Это еще не дерево, даже не побег, но это уже росток.

Словом, «во время дней солидарности (с 12 по 15 ноября)», по выражению сообщивших об этой акции, Химкинская эпопея вступила в новую фазу. Посмотрим, как будет она развиваться дальше.

WWW

КЛАССОВАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ

БОЕВЫЕ ПРОФСОЮЗЫ ИЛИ РАБОЧИЕ СОВЕТЫ?

Современные россияне практически не знакомы с таким явлением, как боевые профсоюзы, способные бастовать по много недель, оказывать полиции и работодателям физическое сопротивление и оккупировать предприятия. Собственно, таких профсоюзов нет почти нигде в мире (знаменитую в прошлом испанскую CNT в качестве альтернативы не предлагать, см <http://shraibman.livejournal.com/400258.html>)

Но «почти», все-таки не означает «нигде». Во всяком случае имеется одна страна, где профсоюзы действительно являются мощной общественной силой, и, с полным на то основанием, могут быть названы «боевыми». Это Южная Корея.

Южнокорейские профсоюзы — зонтичные структуры. Центральный офис, набитый бюрократами — освобожденными от работы на заводе, берет на себя ключевую роль — переговоры с бизнесом и государством. По словам южнокорейского политолога Ом Гу Хо, профсоюзы не столько действительно выступают посредниками во внутренних конфликтах рабочих с руководством компании, сколько выносят их вовне и своими «шумными» действиями (массовые митинги, забастовки, судебные иски) пытаются привлечь внимание государства, дабы оно вмешалось в конфликт и решило проблему за них.

Между тем, по мнению А.Ланькова — одного из ведущих российских исследователей Кореи, местные профсоюзные организации

в компаниях иногда очень демократичны, решают вопросы общими голосованиями, и настроены по боевому.

Иными словами, встречаем ту же ситуацию, что и во время некоторых событий в России (забастовка железнодорожников) и во Франции (захваты рабочими заводов и менеджеров в заложники). Базис локальных профсоюзных ячеек подчас настроен по-боевому, весьма демократичен (в смысле прямой демократии общих собраний и референдумов) и готов зайти довольно далеко, но в то же время не вполне самостоятелен и не обладает навыками, позволяющими ему руководить своими собственными действиями, напрямую координируя их с действиями других ячеек. В то же время, руководство профсоюза контролируется хорошо оплаченными бюрократами. Последние давно вросли в систему и не заинтересованы в ее сломе или в радикализации и росте самоорганизации базиса (это грозит их безопасности, привилегированному положению в системе и рабочим местам). Поэтому (как и случилось во время забастовки российских жездоров), крупные стачки частенько сливаются.

Очевидно, что начальники легалитских, т.е. ориентированных на подзаконную деятельность, профсоюзов, даже если еще не успели обзавестись крутыми окладами в профсоюзных офисах, находятся на виду у власти и выжидаются над остальной массой работников, осуществляя специализированные функции управления и переговоров. Их легко купить и еще легче запугать. И они готовы сделать все на свете для того, чтобы рабочие не организовались по-мимо их воли и не пошли бы крушить начальников, капиталистов и власть.

Нелегальное боевое рабочее движение (например, запрещенная судом стачка, оккупация предприятия, акт саботажа или оказание сопротивления полиции), которую проводит легальный зарегистрированный профсоюз, с засвеченным начальством, создает парадоксальную и заведомо проигрышную для рядовых работников ситуацию. Нелегальная стачка может быть инициирована только нелегально, иначе власти парализуют засвеченное начальство профсоюза, которое попытается сдержать рабочих.

Между тем, как только основа профсоюза радикализируется, структура профсоюза в лице его начальников-управленцев начинает мешать борьбе (поскольку, никаких других профсоюзов сегодня в мире нет, нелепо было бы использовать термин «профсоюз» для обозначения иной — социально-революционной внесистемной организации). Волна радикализации приходит снизу: не профчиновники, а рядовые рабочие в Южной Корее атакуют полицию железными дубинками во время стачек. Но профсоюзному начальству обычно не выгодны такие действия, и оно пытается их предотвратить, либо слить. В легалитских (ориентированных на подзаконную деятельность) профсоюзах неизбежно формируется толстый слой бюрократии, жестко отсеивающий возмутителей порядка на всех этапах бюрократической пирамиды организации. Таким образом профсоюзы выполняют свою функцию — функцию амортизационного механизма, предотвращающего революции.

В Корее работники имеют развитое классовое сознание — они идут на забастовку как на войну, в прямом смысле слова. Только профсоюзы позволяют сдержать это движение, которое, получи оно дальнейшее развитие и правильную организацию в форме советов, давно бы уже оккупировало все фабрики, смело бы капиталистов и государство.

Что же делать?

Для умных сторонников существующего общества тут все ясно. Необходимо стремиться к сохранению профсоюзных организаций в их нынешнем виде, поскольку они являются амортизатором революции, восстания.

Цель сторонников социальной революции и антиавторитарного социализма, напротив, состоит в том, чтобы разрушить профсоюзные структуры, выведя их базис или его радикальную часть из-под контроля профкомов, в том, чтобы создать новое рабочее движение на базе местных организаций или, если это невозможно, то на базе части наиболее решительных рабочих, движение, нацеленное на изменение существующего строя. Так было в Германии после ноябрьской революции 1918 г, когда коммунисты рабочих советов вывели 200

тысяч немецких рабочих из подчинения профсоюзам, создав несколько объединений фабричных советов (Всеобщий Рабочий союз и Всеобщий Рабочий Союз — Единство) и огромную повстанческую Красную армию Рура.

Этот подход радикалов означает отказ от легализма и от авторитарных методов принятия решений, от зонтичных структур... В конечном счете, при таком подходе, возникнет борьба против всей системы нынешних профсоюзов, государства и бизнеса, борьба, организованная на началах прямого действия и прямой демократии, которая только и может подготовиться психологически и практически к жизни в бесклассовом обществе прямой демократии.

А что в России? Профсоюзные забастовки в стране стихли, да и как их вести, когда профсоюзных засвеченных лидеров арестовывают. В России государство и бизнес сами торпедировали профсоюзы, воспользовавшись их открытостью и легальностью, подвергли их жестким репрессиям. Они решили в принципе избавиться от любого контроля со стороны рабочих, не желая делиться даже жалкими процентами с доходов.

Быть может, жадность погубит их... Во всяком случае в современной России, где профсоюзных-лидеров легалитов избивают или арестовывают, призывать к созданию открыто действующего профсоюза может только клинический идиот. Сторонники же социальной революции получили дополнительный аргумент: дело уже не только в том, что профсоюзная деятельность амортизирует революционные настроения и потому вредна, но и в том, что даже и такая деятельность становится практически невозможной.

М.Ш.

Редакция может не разделять мнения отдельных авторов и оставляет за собой право комментировать любые материалы публикуемые в газете.

Эл. адрес редакции в Воронеже: mpst.vrn@gmail.com; в Москве: wwp61@mail.ru

Сайт в интернете: www.mpst.anho.org

Редакция приносит извинения за возможные опечатки и иные погрешности. Мы делаем газету в свободное от работы время и потому не всегда имеем возможность обеспечить достаточное качество.